

Северное солнце выглянуло из-за холма и покатилося по чистому весеннему небу. Оно поднималось всё выше и выше по небосводу. В его лучах заиндевелившие за ночь вершины сосен и елей заиграли ослепительными блёсками. Потеплел воздух. Постепенно стал отмякать наст – корка замёрзшего снега, которую местные охотники называют чилимом. На его поверхности множество ледяных иголок и острых пластинок. В дыхании природы, в гомоне птиц чувствовался перелом в погоде. Зима больше не заиграет метелями, не ударит сильными морозами.

Тунгус бежал по следу лося, подушки его лап, изрезанные чилимом, кровоточили, оставляли следы на снегу. Пытаясь приглушить жажду и тяжелое дыхание, он на бегу лизнул наст. Вместо облегчения почувствовал порезы на языке.

Солнце пригревало сильнее и сильнее, чилим слабел. Вот он проломился под копытами сохатого, и зверь завалился тяжёлой тушей в снег, оставив в нём вмятину. Лось пружинисто вскочил на ноги и вмиг оказался на насте. Теперь его прыжки стали короче, копыта часто пробивали замёрзшую корку снега, и ноги безжалостно резала его кромка.

Настал решительный момент. Наст уже не держит зверя, но ещё держит собаку. Тунгус из последних сил устремился вперёд. Он должен догнать лося и задержать до подхода охотников. Его дыхание было частым, язык вывалился из пасти, живот подвело, под кожей можно было пересчитать рёбра. Последние дни хозяин кормил его несколькими ложками каши вместо мяса, к которому он привык во время охоты.

Солнце подбиралось к полудню, отогрело наст, и он стал проваливаться под собакой. Тунгус потерял скорость бега, лапы, до костей изрезанные настом, кровоточили. Наконец он выбился из сил, ноги отказали служить, и он безвольно опустился на снег. Немного отдохнув, стал зализывать окровавленные раны.

За этим занятием его застали подошедшие охотники. Он посмотрел на хозяина виноватым взглядом и безвольно вильнул один раз хвостом, попытался подняться на лапы, но силы покинули его, и он упал на снег.

Охотники понуро стояли около собаки. Они понимали, что рухнула последняя попытка добыть пищу.

– Что будем делать? – спросил Осип у хозяина Тунгуса – Павла.

– Надо выбираться из тайги, пока сами не свалились с ног, как Тунгус.

– Я не о том. Что будем делать с собакой? Ему не дойти до избушки, не то, что до села. Корма у нас нет, чтобы ему оставить. Будет мучиться и умрёт от голода.

– Что ты предлагаешь?

– Может, помочь ему, чтобы не мучился.

Павел догадался, о чём ведёт речь Осип, но решил уточнить:

– Что советуешь?

– Надо пристрелить. Он уже не работник и не жилец.

– У меня не поднимется рука, и тебе не разрешу, – с возмущением ответил Павел. – Восемь лет Тунгус верно служит, всегда был товарищем на охоте. И вот теперь ты предлагаешь его так отблагодарить? Пойдём к избушке.

Путь оказался нелёгким. Лыжи проваливались в снег, лыжню приходилось мять, проваливаясь почти по колено в снег. Голодные люди изнемогали от усталости, но опыт и упорство заставляли идти вперёд. Они знали, что с каждым шагом сокращается расстояние до избушки. Добравшись до тенистого сосново-кедрового массива, вздохнули с облегчением. Здесь наст держал человека на лыжах, но стоило выйти на открытый от тени участок, как лыжи проваливались и охотник оказывался по пояс в снегу. Приходилось снимать лыжи, вытаскивать их из снега и укладывать перед собой, чтобы опираясь на них, выбраться из снежной ямы, стать на колени, а затем осторожно встать на ноги.

Тяжёл труд охотника-промысловика. Удача-фарт зависит от погоды и многих других факторов. Зима в тот год была многоснежной. С мутного неба часто сыпал снег. Лоси и олени откочевали с их участка, пушные зверьки отсиживались в своих убежищах. После каждой метели приходилось откапывать капканы и ловушки. За весь сезон им не удалось добыть ни одного копытного зверя. Довольствовались редко встречавшимися глухарями.

Когда солнце покатилося к закату, охотники поднялись на вершину холма, с которого их взору открывалась долина. Где-то там, на берегу ручья, стоит их маленькая добротная избушка, рубленая из бруса. Брус доставляли вертолётom. В те времена охотничий промысел давал хорошую прибыль. Охотников завозили и вывозили с промысловых участков вертолётами. Павел около десяти лет промышлял на этом участке. Каждый год вертушка прилетала за ним в назначен-

ное время. В этом году почему-то не прилетела. Как на грех сели батарейки рации, и он не мог связаться с госпромхозом. В ожидании вертолѐта закончились продукты. Вчера на берегу ручья они увидели следы лося и решили его добыть прежде, чем отправиться в дальний путь домой.

Не знали охотники, что начавшаяся перестройка многое изменила в жизни простых людей. Их промысловое хозяйство обанкротилось, у него не было денег на аренду вертолѐта.

Спуск с холма оказался не легче, чем подъѐм. Когда показалась избушка с дверью, подпѐртой колом, их силы были на исходе.

Затопив печь дровами, приготовленными утром, Павел повалился на нары. Тѐплый воздух от печки-буржуйки стал быстро распространяться по избушке. Он приподнялся, снял суконную охотничью куртку и вновь улѐгся на спину с закрытыми глазами. Его мысли были о брошенном Тунгусе. Как наяву, он видел лежащую на снегу собаку с изрезанными окровавленными лапами, с умными, всё понимающими глазами. Его видение прервал голос Осипа:

– Выходить придѣтся с рассветом и идти только по насту, – он продолжал начатую в уме мысль, – как ты думаешь, за сколько дней преодолеем восемьдесят километров?

– Нам придѣтся сделать круг, – ответил Павел.

– Это ещё зачем?

– Пойдѐм на профиль, по нему за день доберѐмся до нефтяников. У них добудем продуктов, отдохнѐм и спокойно двинемся домой.

– Тогда поднимайся, попьѐм чая и на боковую, чтобы встать раньше.

Павел поднялся задолго до рассвета, затопил печь, поставил варить кашу из последней горсти овсянки. За дверью послышался слабый скулящий голос Тунгуса. Павел не поверил

своим ушам и опрометью бросился открывать дверь. Свет от лампы осветил через проём сидящего на снегу Тунгуса. Необычайная радость охватила Павла, он подошёл к собаке и погладил по голове. К его горлу подступил комок. В ответ на ласку Тунгус жалобно заскулил. В этом звуке слились воедино радость встречи с хозяином, боль от полученных травм, обречённость и горечь разлуки. В мыслях Павел уже простился с верным другом.

Собака оказалась преданней людей. Ночью по насту, преодолевая голод и боль, она пришла к людям, которые бросили её на произвол судьбы.

– Заходи в зимовье, – только и смог произнести Павел.

Тунгус с трудом поднялся на четыре лапы и, пошатываясь, зашёл в избушку.

Увидев Тунгуса, Осип по-своему обрадовался и обдумывал, как высказать свои мысли.

Павел разделил сваренную кашу на две части. Одну миску поставил перед Осипом со словами:

– Ешь, пора в путь.

Затем, посмотрев на свою порцию, поставил миску перед Тунгусом. Тот благодарным взглядом посмотрел на хозяина и не спеша стал языком подбирать кашу из миски.

– Что ты делаешь? – удивился Осип, – собака обречена. Тебе самому нужны силы, чтобы выбраться из тайги.

– В старые времена у приговорённого человека к смерти выполняли последнее желание. Я выполнил желание Тунгуса.

Немного подумав, Осип высказал давно таившуюся у него мысль:

– Может, мы его освежаем? Мяса хватит, чтобы напрямую добраться до дома, не надо будет делать крюк к нефтяникам.

Эти слова возмутили Павла, он почувствовал плевок в душу на свои переживания, поэтому ответил грубо:

– Я скорее застрелю тебя, чем Тунгуса.

С этого момента он почувствовал, что больше у него дружбы с Осипом не будет, и он не возьмёт его в следующий сезон напарником в свои уголья.

Охотники надели рюкзаки с пушниной, закинули на плечи ружья и вышли на улицу. Павел остановился около дверей и посмотрел в избушку. Тунгус не вылез из-под нар. Тогда он открыл дверь настежь и придавил колом, чтобы не захлопнулась.

Павел шёл впереди, он знал направление на профиль. Небо на востоке начинало сереть, предвещая рождение нового дня. В тайге стоял полумрак, она казалась вымершей, только скрип наста под лыжами нарушал покой спящего леса. Идти через кедрач было легко, стволы кедров-великанов на несколько метров от земли не имели ветвей. Когда вошли в массив пихтача, пришлось продираться через густой подлесок. Его лапы цеплялись за одежду, царапали лицо. С восходом солнца Павел повернул правее, градусов на тридцать.

– Почему ты изменил направление маршрута? – слышался сзади голос Осипа.

– Профиль проложен строго с севера на юг, так мы быстрее попадём на него.

После этих коротких фраз бывшим приятелям не о чем было разговаривать. Каждый думал о своём. Павел – о Тунгусе, вспоминал отдельные эпизоды охот с ним, которые останутся в памяти на всю жизнь. Осип прикидывал в уме, на какую сумму сдаст добытую пушнину и как распорядится полученными деньгами.

Неожиданно лес перед охотниками расступился, они вышли на широкую просеку среди хвойного леса, называемую профилем. Павел достал из рюкзака маленький аккуратный топорик и по привычке сделал затёс на молодой сосне.

– Ты собираешься сюда когда-нибудь прийти? – удивился Осип.

– На всякий случай, вдруг пригодится, – ответил Павел.

Профиль вывел охотников поздним вечером к буровой вышке, залитой электрическими огнями, как новогодняя ёлка. На их пути в нескольких километрах от вышки стояли вагончики участка гидронамыва. Остановившись у ближайшего из них, Павел снял лыжи и постучал в дверь.

– Кто там? Входи! Дверь не закрыта, – раздался голос.

Валентин Петров, взглянув на вошедших людей с заросшими лицами и впалыми глазами, вмиг оценил обстановку. Перед ним стояли мужчины среднего роста в охотничьей одежде. У одного борода была чёрной, как сажа, у второго – рыжей. По их заросшим лицам трудно определить возраст, но судя по осанке и глазам, они были не старики.

– Раздевайтесь, садитесь к столу, – сказал Валентин.

Он ценил и соблюдал традиции севера. Путника, уставшего с дальней дороги, прежде всего, надо накормить. Если захочет, сам расскажет, кто он и куда идёт.

Неожиданным гостям приглашение дважды повторять не требовалось. Они поставили ружья в угол, туда же положили на пол рюкзаки, повесили куртки на вбитые в стену гвозди и присели к столу.

– Попейте сначала с дороги чая, – сказал Валентин, ставя перед охотниками эмалированные кружки, – а я на скорую руку что-нибудь приготовлю.

Он не спеша нарезал хлеб, пододвинул на середину стола сахарницу и, сняв со шнура, натянутого у дальней стены вагончика, двух вяленых язей, положил перед гостями. Затем снял с плиты горячий чайник и, поставив на берестяную подставку на угол стола, произнёс:

– Наливайте сами, будьте как дома.

– Но не забывайте, что в гостях, – продолжил поговорку Павел.

На его губах скользнула улыбка и потухла под густой чёрной бородой. В карих глазах усталость сменилась блеском. Он подумал: «Мы встретили хорошего человека, теперь благополучно доберёмся домой».

Тем временем Осип налил в кружки рыжеватого цвета жидкость. По вагончику распространился аромат таёжных трав. Чай был заварен шиповником и разными травами.

После нескольких дней голодания охотники с удовольствием жевали хлеб с кусками жирной рыбы и запивали чаем.

– Никогда не думал, что чай с солёной рыбой вкуснее, чем с сахаром, – произнес Осип.

– Не торопитесь наполнять желудки чаем, – сказал Валентин гостям, – сейчас будут готовы макароны по-флотски.

За неимением макарон, он насыпал в кастрюлю с кипящей водой вермишель. Затем вынул из ножен охотничий нож, всегда висящий у него на поясе, открыл две банки говяжьей тушёнки и выложил её в кипящую вермишель. Валентин хотел ещё поджарить лук на свином сале и заправить им готовящееся блюдо, но передумал, видя как голодны люди.

Утолив немного голод, Павел обратился к хозяину вагончика:

– Как звать тебя, добрый человек?

– Валентином.

– Моё имя Павел, а это мой напарник по охоте – Осип. Мы промышляли в верховье ручья Холодного.

– Запозднились что-то вы с выходом из тайги, – удивился Валентин, – сезон охоты давно закончился.

– Нас должен был вывезти вертолёт, но в назначенное время не прилетел. Прождав его, мы упустили время, вдоволь наголодались и намучались.

– Это я по вам сразу определил. Вы из какого места в наши края попали? – спросил Валентин.

У охотников не принято задавать вопрос со слова – куда или откуда. С давних пор укоренилось поверье, что эти слова не принесут удачи.

– Мы живём в Старом Васюгане.

– Большой круг приходится вам делать, чтобы попасть домой.

Без продуктов нам до своего посёлка не добраться, вот и решили завернуть к нефтяникам, чтобы разжиться харчами на дорогу.

– Весной не сложно было бы сплавиться по реке, а в оттепель изрядно намучаетесь.

– Идти придётся по насту, морозы ещё должны постоять.

Разговор длился долго. Охотники подробно рассказали о неудачной охоте в последний день. Каждый рассказал о брошенной собаке со своей точки зрения. Валентин не мог понять, как можно бросить на произвол судьбы собаку, которая многие годы служила верой и правдой. Он расспросил о рабочих качествах и возрасте собаки, узнал кличку. Затем спросил:

– Как добраться до вашего зимовья?

Павел охотно рассказал:

– В трёх часах хода по профилю увидишь затёс на сосне, поворачивай вправо под прямым углом и выйдешь в распадке на ручей Холодный. Там сам сообразишь, в какую сторону по ручью идти к избушке.

Городскому жителю трудно понять, как по двум ориентирам в тайге можно найти избушку, удалённую на несколько десятков километров. В большом городе, порой, трудно найти дом, расположенный внутри квартала. Охотники же ориентируются в лесу как в собственном доме.

Ночью подул северяк, мороз окреп, оттепели не предвиделось. Прощаясь с Валентином, задержав его руку в своей руке, Павел сказал:

– Спасибо тебе за приют и помощь, окажешься в нашем посёлке, заходи, будешь званым гостем.

Весь день на дежурстве Валентин думал о брошенной собаке, ему было жаль её и стыдно за людей, бросивших друга. Он представил себя на её месте – голодным, обессиленным, без всякой надежды на спасение. После этого он не мог оставаться равнодушным к её судьбе и принял решение завтра отнести ей пищу. Рассудив, что собака, оправившись от голода и ран, сможет уйти домой.

С напарником по дежурству на земснаряде, не работающем в это время года, договориться о переносе смены труда не составило. Чуть свет, положив в рюкзак хлеб и куски мяса, надел лыжи и покатил по профилю. Ему, потомственному охотнику, пробежать несколько десятков километров не составляло труда. Невысокого роста, коренастый, он легко скользил на лыжах в привычном темпе, при котором не сбивается дыхание. Орлиным взглядом зорких глаз осматривал стволы деревьев.

К избушке Валентин добрался во второй половине дня. Из раскрытой двери раздалось рычание Тунгуса, лежащего под нарами.

– Не сердись на меня, – как можно ласковее произнёс Валентин, – я принёс тебе еду.

Услышав незнакомую речь, Тунгус грозно зарычал, переходя на лай.

Достав из рюкзака кусок мяса, Валентин подошёл к нарам и протянул к собаке руку с мясом. Около его пальцев лязгнули собачьи зубы. Он еле успел отдёргнуть руку.

– Ты слишком серьёзный пёс, – произнёс Валентин и бросил мясо собаке.

Тунгус был очень голоден, но не схватил сразу брошенный кусок. Он обнюхал его и, не учуяв ничего подозрительного, осторожно взял в пасть.

Валентину понравилось поведение собаки. Он вышел из избушки, набрал дров из поленницы и вернулся, чтобы затопить печь. Тунгус его встретил молчанием.

– Вот так-то лучше, – сказал Валентин и бросил ему второй кусок мяса, – на сегодня достаточно.

Затопить печь берёзовыми дровами – дело плёвое. Он оторвал от полена кусочек бересты, нащипал лучины, положил их в печь, над ними аркой – дрова и поднёс зажжённую спичку. Огонь весело побежал по бересте, вспыхнула лучина, и дрова начали разгораться. Только теперь Валентин почувствовал, что голоден. Взял чайник, стоящий на плите, и направился к двери. Около порога остановился, посмотрел по сторонам, надеясь найти пещню или топор. «Видимо, хозяин избушки спрятал ценные вещи где-нибудь на улице, – подумал с сожалением, – придётся колоть лёд ножом».

Натоптанная в снегу тропинка привела его к замерзшей проруби на ручье. Она выделялась гладким чистым льдом среди окружающего снежного покрова. Наполнив чайник кусочками чистого голубоватого льда, вернулся в избушку. Прежде всего заглянул под нары. Тунгус вяло вилял ему хвостом, в печальных глазах собаки промелькнула радость. «Неужели он испугался, что я брошу его, и обрадовался, когда я вернулся?» – подумал Валентин.

Вскоре избушка наполнилась живительным теплом, Валентин снял куртку, выложил из рюкзака на стол хлеб, вяленую рыбу, отварное мясо и принялся за еду.

Засыпая на нарах, он думал о собаке, но окончательного решения, как с ней поступить, не принял.

К утру избушка выстыла. Затопив печь, Валентин взял кусочек мяса, присел около нар и тихим спокойным голосом произнёс:

– Тунгус, иди ко мне.

Собака, лежащая калачиком, вытянула голову, втянула в себя воздух с запахом человека и мяса. Немного повременив, выползла из-под нар. Валентин протянул к ней руку с мясом на ладони. Тунгус лизнул ему пальцы, взял мясо и мигом проглотил. «Ты умеешь быть благодарным», – произнёс Валентин, внимательно осматривая собаку. Перед ним лежал пёс серой волчьей масти с крупной головой, на которой торчали острые уши. Длинная, как у овчарки, морда заканчивалась чёрным носом. В приоткрытой пасти виднелись белые крепкие зубы с длинными мощными клыками. «Не завидую тем, кто испытал на себе эти клыки», – подумал Валентин, а вслух произнёс:

– Давай-ка посмотрим, на что ты способен сегодня.

Взяв кусочек мяса, отошёл к двери и позвал к себе собаку:

– Поднимайся на лапы, иди ко мне, а то отлежишь себе бока.

Тунгус медленно поднялся с пола. Он был высокого роста, истощённый до последней степени. Хребет и рёбра выпирали из-под кожи. На изрезанных лапах выросли коросты.

– Тунгус, иди ко мне, – ещё раз позвал Валентин собаку и протянул к ней руку с мясом.

Медленно переставляя лапы, пошатываясь, он побрёл на зов. Его зад заваливался в сторону, и ему стоило больших усилий удержаться на ногах.

– Ну и довели тебя горе-хозяева до полного истощения, – произнёс Валентин и отдал ему мясо. Затем провёл по голове и спине рукой. От прикосновения руки Тунгус вздрогнул, по его коже пробежала дрожь.

– Тебя разве никогда не гладили? – спросил он собаку.

Тунгус не мог ответить на его вопрос, только смотрел удивлёнными глазами.

– Лежать! – твёрдым голосом приказал Валентин.

Тунгус повиновался и медленно опустился на пол у порога.

«Ноги заживут быстрее, чем собака окрепнет и наберёт вес», – подумал Валентин.

Поев на дорогу и потягивая горячий чай из деревянной плошки, Валентин принял решение забрать с собою Тунгуса. «Вес у него небольшой, двадцати килограммов не будет, – думал он, – донесу как-нибудь».

Прежде всего дал Тунгусу обнюхать рюкзак, затем осторожно приподнял зад собаки и надел на него рюкзак.

Словно понимая намерения человека, собака доверилась ему и не сопротивлялась. Натянув на неё рюкзак до шеи, завязал его и осторожно поднял на плечи.

Переступив порог, плотно закрыл дверь, надел лыжи и отправился знакомым маршрутом. Тунгус лизнул его ухо. Этот «поцелуй» растрогал Валентина, хотя он и не был сентиментальным человеком. Появилось приятное, радостное настроение, которое прибавило ему силы. «Неужели собака понимает, что я её спасаю, – подумал он, – даст Бог, мы с тобой подружимся и ещё поохотимся вместе ... »

На хорошем корме Тунгус отъелся и быстро поправился. Он уже верховодил среди местных собак, некоторые задиристые кобели испытали на себе его крепкие зубы. Вскоре началась течка у Найды, Тунгус «пас» её две недели, не подпуская к ней ни одного соперника. Валентин радовался, что у его собаки появятся хорошие щенки.

Быстро пролетела весна, растаяли снега в тундре и тайге, отшумели весенними водами ручьи и реки, вскрылись ото льда многочисленные озёра. Перелётные птицы вывели потомство, и табунки уток с утятами плавали на каждом, даже

самом захудалом, озерке. У зайчих уже появился второй помёт зайчат. Эти кроткие, пугливые зверьки поступают со своим потомством почти как кукушки. После родов накормят зайчат и убегают, оставив их на произвол судьбы. Если какая-нибудь другая зайчиха наткнётся на чужих зайчат, она обязательно накормит их. Зайчата часто становятся добычей бродячих собак.

Каждый день, возвращаясь с работы, Валентина у вагончика встречали Найда и Тунгус. Собаки имели разные характеры и вели себя каждая по-своему. Найда, извиваясь всем телом и усиленно виляя хвостом, бросалась к ногам, показывая всем видом, что она хочет, чтобы её погладили. Тунгус останавливался в шаге от Валентина и, вильнув несколько раз хвостом, стоял невозмутимо, давая понять, что он серьёзная рабочая собака и ей не до ласк. Он не любил, когда его гладят. Первым делом Валентин кормил собак и разговаривал с ними. Работая целый день на бульдозере, ему не с кем было переброситься словом.

Сегодня Тунгуса не было на месте. Валентин не придавал этому значения, мало ли какие дела могут быть у собаки. Когда Тунгус не пришёл на второй и третий день, он забеспокоился. Тешил себя мыслью, что возможно он загулял на собачьей свадьбе. Стал расспрашивать владельцев собак, но никто Тунгуса не видел. Через неделю понял, что собака пропала. Постороннему человеку в руки он не мог даваться, значит, не поладил с медведем и попал под его тяжёлую лапу. Валентин долго переживал утрату, ему жаль было пса, рухнули надежды на охоту с ним. Каждый вечер, перед тем как уснуть, до мельчайших деталей вспоминал встречу с ним в избушке и нелёгкий переход от неё к своему вагончику.

На следующий год весной Валентин летел на вертолёте из Стрежевого в посёлок нефтяников Ломовской. Закончилось тая-

ние снегов, реки вышли из своих берегов, залив все пониженные места бесконечного пространства болот, тундры и лесов. Под вертолётom вся поверхность земли представляла сплошную водную гладь с небольшими островами грив и лесов.

Пилоты получили радиограмму залететь в посёлок Старый Васюган и взять на борт больного жителя. Когда подлетели к посёлку, он предстал островом среди моря воды. Дома вдоль реки стояли в воде, как деревянные кораблики, готовые пуститься в плавание. Вертолёт приземлился на поляну в центре посёлка. Его быстро окружили немногочисленные жители. Для них это чрезвычайное событие и возможность общения с внешним миром.

По метеоусловиям вылет вертолётa отложили на несколько часов. Валентин пошёл осмотреть посёлок. По улице ему навстречу бежала стая собак, среди которых высоким ростом выделялся кобель, похожий на Тунгуса. «Не может быть», – подумал он, но сердце тревожно забилося.

– Тунгус! – крикнул Валентин срывающимся голосом.

Кобель отделился от сородичей, подбежал к Валентину и, остановившись в метре от него, приветствовал своего спасителя вилянием хвоста. Это был Тунгус. Он узнал своего спасителя.

– Здравствуй, бродяга, я рад, что ты живой и остался верным своему первому хозяину, – с горечью произнёс Валентин.

Тунгус вильнул ещё несколько раз хвостом и побежал догонять свору.

Валентин провожал его взглядом, к горлу подкатил комок, на глаза навернулись слёзы. Ему было грустно, что он не смог приручить к себе Тунгуса, и радостно, что тот оказался живым. Видимо, охотничьей собаке недостаточно ласки, ей дороже что-то другое. У него не появилось желание идти дальше по посёлку и разыскать Павла. Немного постояв в задумчивости, вернулся к вертолётu.